

АНАТОЛИЙ ЩЕЛКУНОВ

Как свет былого в грядущее нам озаряет путь

Анатолий Щелкунов

**Как свет былого в
грядущее нам озаряет путь**

«Директ-Медиа»

2025

УДК 327.57(47:497.2)

ББК 66.4(2Рос)

Щелкунов А. В.

Как свет былого в грядущее нам озаряет путь / А. В. Щелкунов —
«Директ-Медиа», 2025

ISBN 978-5-4499-5115-1

Эта книга представляет собой своеобразную энциклопедию истории российско-болгарских духовных связей, охватывающую период с X века до наших дней. Автор использовал уникальные исторические документы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи при Министерстве иностранных дел России, Государственном архиве Российской Федерации, архивах Болгарии, а также труды российских и болгарских ученых, писателей, поэтов и деятелей культуры. Это чрезвычайно важно в современных условиях, когда на Западе не прекращаются попытки с помощью многочисленных фейков, лжи и фальсификаций извратить подлинную историю. При описании драматических событий минувших веков и происходящих в настоящее время автор старается проанализировать и понять причинно-следственные связи различных явлений, показывает роль политических, военных, религиозных, общественных и культурных деятелей. Особое значение имеют личные впечатления автора, накопленные им за более чем полувековой опыт сотрудничества с видными представителями двух стран в политической, культурной и гуманитарной сферах. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 327.57(47:497.2)

ББК 66.4(2Рос)

ISBN 978-5-4499-5115-1

© Щелкунов А. В., 2025

© Директ-Медиа, 2025

Содержание

Несколько слов вместо предисловия	7
Глава 1	8
Глава 2. У истоков	17
Глава 3. Киприан	23
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Анатолий Щелкунов

Как свет былого в грядущее нам озаряет путь

Прошлое и настоящее российско- болгарских духовных связей

*В тысячелетие свершается так много,
Что позабыть легко, где был когда-нибудь.
Но из Болгарии – в Россию есть дорога,
А из России – до Болгарии есть путь.
Когда вливалась Русь в великие размеры,
Что выткались позднее в бескрайний пышный сказ,
Отсюда к нам пришел огонь той верной веры,
Что крепой верности спаял навеки нас.*

Константин Бальмонт

*Прошлое – это четвертое измерение видимого мира... И чем
больше мы понимаем прошлое, среди которого мы живем (потому что
прошлое среди нас), тем значительнее, богаче, красочнее открывается
перед нашим взором все то, что нас окружает...*

Академик Д. С. Лихачев

© Щелкунов А. В., текст, 2025

© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2025

Несколько слов вместо предисловия

Стихотворение замечательного русского поэта Константина Бальмонта и высказывание выдающегося советского и российского академика Дмитрия Лихачева, казалось бы, должны служить не только эпиграфом нашего исследования, но и своего рода путеводной нитью, а также краткой, но емкой характеристикой, как прошлого, так настоящего и будущего российско-болгарских отношений в сфере культуры.

На основе глубокого изучения этой темы мы приходим к выводу, что прошлое двусторонних отношений России и Болгарии в этой области действительно могло бы быть примером взаимного благотворного влияния. В годы после Второй мировой войны, когда оба государства развивались на основе социалистической парадигмы, их отношения не только вобрали в себя все то позитивное, что выработал исторический опыт двух народов, но и творчески развили их духовный потенциал к обоюдной выгоде.

Однако с сожалением приходится признать, что коренные социально-экономические изменения, произошедшие в обеих странах после развала Советского Союза, кардинально повлияли не только на производственные, деловые, региональные и научно-технические связи, но и на отношения наших народов в духовной сфере.

Особенно процесс дистанцирования от России проявил себя в Болгарии после ее интеграции в евроатлантические структуры. Более того, этот процесс зарождался изначально и продолжает ныне развиваться в болгарском общественном пространстве с противоестественным для болгар агрессивным нагнетанием русофобской истерии.

Своеобразной реакцией на это в некоторых органах российской печати, в блогах и телевизионных передачах стали появляться публикации антиболгарской направленности.

Совершенно очевидно, что ни к чему хорошему оба эти явления не приведут. А вот последствия, с такой же очевидностью можно утверждать, будут долгосрочные и даже непоправимые.

Вполне естественно возникают вопросы: почему и как это произошло? Каким образом и с помощью каких средств из этого порочного круга можно выйти?

Поэтому возникла необходимость на базе богатого исторического материала показать, какое огромное общее наследие в духовной сфере имеют наши народы, которое является их ценным, если не сказать, бесценным достоянием.

Мы должны им не только гордиться. Но и с исторической ответственностью и мудростью, присущей для лучших представителей русского и болгарского народов, выстраивать на основе этого наследия пути дальнейшего совершенствования сотрудничества в сфере культуры и гуманитарных отношений для взаимной пользы.

Все это и составляет предмет наших поисков.

Глава 1

Славянская духовность в глобализирующемся мире

В контексте поистине тектонических сдвигов, происходящих в мире, особое значение имеет восстановление и сохранение основополагающих ценностей, которые характеризуют духовную жизнь народа. Являясь наследницей великих и своеобразных культурных и исторических традиций, Россия способна устоять под давлением разлагающих общественное сознание идей западного либерализма и предложить свою альтернативу взаимодействия с другими народами, близкими нам цивилизационно. Наряду с народами бывшего Советского Союза к их числу принадлежат народы Балкан и, в частности, болгары, с которыми нас связывает Православие, письменность и общий славянский корень.

Россия всегда была инициатором глобальных проектов, посвященных Православию и славянству. Кое-кто в нынешнем мире, реализуя стратегические установки «*мировой закулисы*», пытается задвинуть Россию и славянство в геополитическую изоляцию, маскируя при этом перестройку европейской системы под борьбу с остатками тоталитаризма, а на самом деле попирая основу основ демократии – международное право.

Для оправдания своей политики современные идеологи глобализма намеренно извращают историю, связанную со Второй мировой войной и ее итогами. Они подменяют понятия, культивируют новые, из которых самым расхожим является термин тоталитаризм. Его широко используют для создания негативного образа тех государств, которые не поддаются их диктату и не превратились в их марионеток.

Россия стала главным объектом их нападок, поскольку именно Россия выступила против такой политики мирового гегемонизма. Ответной реакцией мирового гегемона стала невиданная по масштабам в мировой истории кампания русофобии. Правомерно сегодня говорить о том, что русофобия являет собой своеобразную реинкарнацию мирового фашизма.

В этой связи уместно будет упомянуть то определение, которое дал фашизму великий сын болгарского народа Георгий Димитров:

«Власть фашизма – это открытая террористическая диктатура самых реакционных, самых шовинистических, самых империалистических элементов финансового капитала... фашизм во внешней политике – это шовинизм в самой грубой форме, культивирующий нечеловеческую ненависть к другим народам».

Если говорить о политическом измерении, то наиболее явственно морально-нравственная деградация и государственный терроризм коллективного Запада проявились в варварских бомбардировках Ирака, Сербии, Сирии, Йемена, Ливии, а также в евроатлантической «*солидарности*» вокруг квазигосударства Косово, в поддержке фашистской вылазки режима Саакашвили против народа Южной Осетии, в провоцировании кровавого военного переворота на Украине и военных атак на мирные города Донбасса, Курской области, в которых проживает преимущественно русское население.

В ходе создания единой Европы отчетливо проявилось стремление адептов этого процесса разорвать славянство как цивилизационную общность, привлекая каждый из народов, ее составляющих, щедрыми посулами материального характера. К сожалению, в каждой стране с преобладающим славянским элементом есть своя «*пятая колонна*», рвущаяся в Европу и отбрасывающая все, что связано с собственной идентичностью.

В России это часть постсоветской либеральной интеллигенции, с лихостью большевиков первой волны, разрушившей все прежние устои, в том числе и национальные традиции, и наши истоки. «*Демократическим расизмом*» назвал атаку на русскую идентичность А. С. Панарин –

выдающийся политический философ современной России¹. Представляется весьма характерным, что как у нас в России, так и в других странах, «*демократических расистов*» отличает помимо низкопоклонства перед Западом, культивируемая им русофобия. Русофобский экстаз проявляется у них, когда они подвергают критике или издевке все, что напоминает о российской и славянской самобытности, нашей истории, нашей идентичности и православной культуре.

Сегодня довольно отчетливо проявились тенденции, которым славянскому миру приходится противостоять.

С одной стороны, навязываемой всему человечеству (*нередко как раз тоталитарными методами*) полной автономии человека от культурных, религиозных, нравственных, семейных ценностей, что входит в противоречие с религиозно-философским сознанием многих цивилизаций. И делается это, кстати сказать, под флагом глобализации.

А с другой стороны, – откровенным и все более настойчивым попыткам фрагментировать славян и даже посеять рознь между отдельными его составляющими (*например, между русскими и украинцами*).

Как известно, были даже попытки под разными (на первый взгляд, вроде бы, благовидными или «прагматичными») предложениями лишить кое-кого из славян их национальной гордости, их национального достояния – кириллицы. Благодаря духовному подвигу многих поколений творцов, кириллица вошла в сокровищницу общемирового культурного контекста, а в силу подлинно гуманистической сущности своих лучших литературных и религиозно-философских достижений оказала огромное влияние на всемирный цивилизационный процесс.

Опыт России в конце XX столетия и в начале третьего тысячелетия дает немало свидетельств того, что в этот период со всей очевидностью проявляется усиление не только геополитического, но и духовного давления на уже не коммунистическую Россию, осуществлявшегося в начале минувшего века под флагом критики марксизма и продолжаемого сегодня под новыми русофобскими лозунгами. Пожалуй, основным из них является так называемый «*планетарный гуманизм*», претендующий на мировое господство как норма, которую должны принять и усвоить все люди, вне зависимости от их национальных, культурных или цивилизационных особенностей. Наиболее типичным выразителем этой идеи является американский философ Френсис Фукуяма, который считает, что у либерального мировоззрения нет альтернатив. К примеру, религию он рассматривает как препятствие к всеобщему торжеству демократического либерализма и построения государства без границ (*по сути это является не чем иным, как идеологическим обоснованием нового варианта мирового господства одной державы*).

Потому-то в последние годы с такой оголтелой агрессивностью ведется компания за разрыв единого тела Русской православной церкви, за внедрение сектантских, еретических сект на Украине с захватом и осквернением храмов. Для разобщения православных церквей, а в конечном счете для уничтожения Православия в мире запущен «*заокеанский*» проект, который условно можно назвать «*Вселенский патриарх*».

Миссия России заключается в том, чтобы не поддаваться новому идеологическому диктату. В общемировом историческом контексте совершенно очевидно, что без России, без славянства мир не полон, и если мы говорим о европейской цивилизации, то славянские культуры как наследницы традиций святых братьев Кирилла и Мефодия уже давно заявили о себе как самобытная и большая ветвь общехристианской европейской цивилизации. Именно эта ветвь несет через века ценности православного мира, в основе которых его религиозно-философская картина, заданная Нагорной проповедью. В этом незамутненном источнике нынешнее и последующие поколения наших народов черпают и будут черпать здоровые жизненные силы:

¹ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. Через год после выхода этой книги автор, к сожалению, ушел из жизни.

духовно-творческие, нравственные и физические. Традиция русского православного и общеславянского гуманизма с его Достоевским восприятием общечеловеческой боли, как своей собственной, устоит, если ей удастся избежать соблазна следовать моде либеральных идей, утверждающих в качестве верховной ценности лишь свободу человеческой личности, какими бы экстравагантными ни были проявления этой свободы. Чаще всего адепты подобных ценностей и такой свободы прокламируют низменные, греховные страсти человека, чуждые православному сознанию и морали.

Контратезой постмодернистскому пониманию свободы звучат слова Евангелия «Сказал Иисус уверовавшим в Него... если пребудете в слове Моем... познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:31–32). Только следование этим заветам уберезит от попадания в сети разного рода бессовестных «освободителей», соблазняющих неискушенные души сладкими речами об отсутствии дилеммы добра и зла и самого понятия греха.

Великая русская литература потому обладает огромной притягательной силой, поскольку она, показывая человека как существо в высшей степени сложное, со множеством влечений и потребностей, акцент при этом делает не на потребностях телесных и физиологических, а духовных: умственных, эстетических, моральных. Ибо удовлетворение первых создает животную, растительную жизнь без духовных запросов, без идеалов, без высоких стремлений – это в христианском понимании грубая низшая форма жизни, не жизнь, а прозябание. Но человек – не зритель совершающейся пред ним мировой драмы, а непосредственный ее участник. Источник всех действий человека – его воля. И для того, – писал известный в Болгарии и других балканских странах российский духовный писатель и философ начала XX века Григорий Спиридонович Петров, – «чтобы человек действительно стал на осознанный им разумный, верный путь жизни, недостаточно признания ума, а нужен подвиг, внутреннее движение воли...

*На искание правды вечной
И душевной красоты,
а это последнее – главное в человеке!»*

Поиск этой правды – характерная черта нашей отечественной литературной традиции, осененной Православием, тысяча двадцатилетие принятия которого в 2008 году отметили русский, белорусский и украинский народы.

Именно Православие и кириллица были тем катализатором, который способствовал развитию духовной близости между народами России и другими частями славянского мира. В силу логики исторического детерминизма и причинно-следственных связей эта духовная близость стала движущей силой всенародного подъема за освобождение болгарского народа во время Русско-турецкой войны 1977–1878 гг., последней в череде войн России с Османской империей, благодаря которым народы Балкан получили свободу и возможность восстановить свою государственность.

Каждому непредубежденному человеку ясно, что ключ к пониманию этого всенародного подъема имеется в душах русских людей, в их православном сознании, которому присуще сострадание к страждущему, чувство самопожертвования «за други своя».

Во все времена для православного человека эта максима была идеалом восхождения к вершинам духовного совершенства. В этом и заключается одна из тех «загадок русской души», которую никак не могут разгадать чужеземные мыслители. Именно в этом отличие славянской духовности от так называемой «американской мечты», взлелеянной протестантизмом, которая находит свое выражение в восхождении к вершинам материального богатства.

Вдохновляющим примером для православного человека и сегодня, в век агрессивной бездуховности, служат образы святых земли Русской: Александра Невского, Сергия Радонеж-

ского, Серафима Саровского, Луки (*Войно-Ясенецкого*) и многих других, чье воздействие на души и судьбы людские в лихие годы для нашего Отечества играло роль спасительную и укрепляющую. Проникновенно написал о Сергии Радонежском известный в дореволюционной России писатель, один из последних крупных представителей Серебряного века Борис Зайцев, похороненный в 1971 году в Париже на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, в последнем своем рассказе «Река времен»:

«Как святой, Сергий одинаково велик для всякого. Подвиг его всечеловечен. Но для русского в нем есть как раз и нас волнующее: глубокое созвучие народу, великая типичность – сочетание в одном рассеянных черт русских. Отсюда та особая любовь и поклонение ему в России, безмолвная канонизация в народного святого, что навряд ли выпала другому... Сергий глубочайше русский, глубочайше православный. В нем есть смолистость севера России, чистый, крепкий и здоровый ее тип. Если считать – а это очень принято, – что “русское” – гримаса, истерия и юродство, “достоевщина”, то Сергий – явное опровержение. В народе, якобы лишь призванном к “ниспровержениям” и разинской разнузданности, к моральному кликушеству и эпилепсии, Сергий как раз пример, любимейший самим народом, ясности, света прозрачного и ровного. Он, разумеется, заступник наш. Через пятьсот лет, всматриваясь в его образ, чувствуешь: да, велика Россия. Да, святая сила ей дана. Да, рядом с силой, истиной мы можем жить.

В тяжёлые времена крови, насилия, свирепости, предательств, подлости неземной облик Сергия утешает и поддерживает. Не оставив по себе писаний, Сергий будто бы ничему не учит. Но он учит именно всем обликом своим: одним он утешение и освежение, другим – немой укор. Безмолвно Сергей учит самому простому: правде, прямоте, мужественности, труду, благоговению и вере»².

Основанный им монастырь стал центром духовного подъема и питательным источником для строителей молодого российского государства. По его благословию и при поддержке тогдашнего митрополита Московского Алексия, а позже и митрополита Киприана возникают другие обители, которые основаны учениками Сергия. Авраамий Галицкий основал в Галиче монастырь Успения Богородицы, а в километрах тридцати от него – обитель положения пояса Богородицы, на реке Воче – монастырь Собора Богородицы и Покрова Богородицы. В Москве другой его ученик Андроник на Яузе заложил монастырь, в котором, по легенде, творил великий Андрей Рублев. Преподобный Феодор основал Симонов монастырь за Москвой-рекой, преподобный Савва – Сторожевский монастырь в Звенигороде, преподобный Григорий – Голутвинский монастырь в Коломне. К югу от Москвы его учениками созданы Пафнутьево-Боровский монастырь в Калужской области, а к северу – знаменитые Ферапонтов и Кирилло-Белозерский. В ту пору именно монастыри были очагами духовной культуры и образования народа. За благословением и укреплением духа вот уже почти семь столетий течет в монастыри река народная: люди разных сословий, разных возрастов. Здесь они получали и получают заряд истины, добрый совет, положительный настрой на дело, на жизнь, служение и борьбу. В этом кроется ответ на вопрос, почему в монастыри паломничество совершали и гении русской словесности: Гоголь, Толстой и Достоевский, которых волновали сложнейшие вопросы бытия земного, и бесконечное число людей простых с их обыденными запросами повседневной жизни.

Таковую же роль играли и православные монастыри в Болгарии, ставшие очагами болгарского национального самосознания, славянской письменности и культуры. С самого начала своего возникновения они представляли собой нечто большее, чем просто религиозные институты. В 886 году князь Борис велел поселиться в новосозданном монастыре Св. Пантелеймона

² Зайцев Б. К. Река времен. От Афона до Оптиной Пустыни. М., 2007. С. 201.

вблизи Великого Преслава ученикам святых Кирилла и Мефодия, которыми создана староболгарская книжная школа. В историю она вошла под именем Плиско-Преславской.

Подобную роль сыграл другой монастырь Св. Пантелеймона, основанный также учеником святых Кирилла и Мефодия Климентом Охридским³ и получивший название «академии».

Второй «академией» средневековой Болгарии считается Килифаревский монастырь, основанный в середине XIV века по указу царя Ивана Александра в двенадцати километрах от Тырнова. За краткий период он превратился в притягательный центр для многих проповедников, писателей, переводчиков и каллиграфов, теологов и философов. В нем творил просветитель и книжник Феодосий Тырновский и его ученик – реформатор староболгарского языка Евфимий Тырновский. Выходцем из этой школы был Киприан, ставший в 1389 году митрополитом Московским и всея Руси, и его племянник Григорий Цамблак – впоследствии митрополит Киевский, реформатор богослужебных текстов. В этом монастыре с древнегреческого и латинского на староболгарский переводились богослужебные книги и византийские хроники, составлялись сборники житий святых, создавались проповеди и тексты религиозных песнопений.

Роль монастырей и церквей в России и Болгарии в создании православной цивилизации невозможно переоценить. В дальнейшем, в течение XIX века, все более отчетливо эту роль начинает играть русская литература. Именно она становится носителем высокой славянской духовности и нашего национального наследия. Ее всемирный морально-нравственный авторитет наряду с величайшими достижениями всей русской культуры дает ощущение свободы от комплекса неполноценности перед другой, неславянской частью мира.

Ибо отсутствие комплекса неполноценности позволяет уверенно и без самоуничтожения признавать и огромное количество своих грехов и несовершенств, что так свойственно славянскому мироощущению, и адекватно оценивать свои несомненные достоинства.

В таком спокойном и уверенном ключе необходимо сегодня вести диалог с другими культурами, другими цивилизациями. При этом не навязывать своего, но и «не растворять себя в человечестве».

Убедительно сказал об этом Л. А. Тихомиров: «*русская национальность есть мировая национальность, никогда не замыкавшаяся в круге племенных интересов, но всегда несшая идеалы общечеловеческой жизни, всегда умевшая дать место в своем деле и в своей жизни множеству самых разнообразных племен*»⁴.

Задумываясь над судьбой России в XX веке и в начале XXI века, порой задаешься вопросом: почему такие невероятные, чудовищные испытания выпали на долю именно нашего народа. Ответ, как представляется, следует искать не только в причинно-следственных связях политико-экономической области, а в сфере эсхатологической. Провидение ниспослало такие испытания нашему народу не только как искупление за совершенные грехи, но еще и как предостережение другим народам и последующим поколениям человеческой цивилизации, какие пути ведут к гибели. Лишь только потому под тяжестью невыносимых испытаний народ наш не раздавлен и не исчез в безвременье, что обладает способностью к беспощадному самоанализу и, дойдя в этом самоанализе до самого дна своей души, находит в себе силы вновь возвыситься до самоочищения, до великих христианских проявлений, вплоть до самоотречения, но и нового возрождения. И разве творческий и человеческий подвиг целого ряда русских писателей, в том числе упомянутых нами Бориса Зайцева и Льва Тихомирова, не является персональной сублимацией этого народного качества и народной судьбы?

³ Этот монастырь находится в окрестностях города Охрида на территории нынешней Республики Северная Македония.

⁴ Тихомиров Лев Александрович (1852–1923) – русский мыслитель, философ, правовед, общественный деятель, примыкавший к террористической партии «Народная воля», но в 1888 г. отрекшийся от революционных убеждений. В своих теоретических работах, еще не получивших достойного обобщенного анализа, убедительно показал и катастрофичность русской истории, и ее удивительную противоречивость.

Ф. М. Достоевский, сумевший показать человеческую психологию со всей ее двойственностью, сложностью и противоречивостью, нисколько не упрощая и не избегая этих противоречий, постигший психологию отдельного человека и психологию целых наций, определил глубочайшую суть русского сознания словом «*всечеловечность*».

Поэтому, вероятно, самые значительные литературные течения в мире вот уже полтора столетия проходят под мощным воздействием гения Достоевского, будят в людях чувства совести, чести, справедливости и милосердия и воспринимаются как пророческие. В своем «*Дневнике писателя*» в ноябре 1877 года, задаваясь вопросом, для чего России брать на себя заботу о славянском единении, он отвечает: *«для того, чтобы жить высшею жизнью, великою жизнью, светить миру великой бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом; вознести, наконец, всех малых сих до себя и до понятия ими материнского ее призвания – вот цель России, вот и выгоды ее, если хотите. Если нации не будут жить высшими, бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, а только будут служить одним своим “интересам”, то погибнут эти нации, несомненно, окончат, обессилеют и умрут. А выше целей нет, как те, которые поставит перед собой Россия, служа славянам бескорыстно и не требуя от них благодарности, служа их нравственному (а не политическому лишь) воссоединению в великое целое. Тогда только скажет всеславянство свое новое целительное слово человечеству... Выше таких целей не бывает никаких на свете. Стало быть, и “выгоднее” ничего не может быть для России, как иметь всегда перед собой эти цели, все более и более уяснить их себе самой и все более и более возвышаться духом в этой вечной, неустанной и доблестной работе своей для человечества».*

С распадом СССР и с новой геополитической ориентацией славянских государств эти слова приобретают особое политическое и нравственное измерение.

Но зададимся вопросом: изучены ли глубоко, с точки зрения методологии истории, причины распада СССР? Думаю, что в огромном потоке литературы на сей счет отсутствует как раз подход методологический и принцип континуитета (преемственности). Этот недостаток, как нам представляется, можно в некоторой степени компенсировать, если исходить, говоря условно, из формулы 4 Д.

Такой подход можно выразить следующими соображениями, характеризующими причинно-следственные связи той общественно-политической каши, которая уже три четверти века варится у нас в стране и в мире в целом. Начало по субъективным причинам было положено процессом ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ Хрущевым, подхваченным и развитым разношерстной толпой шестидесятников, в которой было немало злобных антисоветчиков. Именно они начали под предлогом нового взгляда на историю обливать грязью прошлое своей страны, извращая исторические факты. Многие извращения опровергаются сегодня добросовестными исследователями.

Как говорится, посеешь ветер – пожнешь бурю. Известные англосаксонские центры и поддакивающие им во всем подобные центры в германо-романских странах использовали это как подарок судьбы для того, чтобы превратить это явление в движение за ДЕКОММУНИЗАЦИЮ в СССР и в соцстранах, а также в молодых странах, которые освободились недавно от колониальной зависимости под влиянием мирового социализма и которые симпатизировали социалистическим странам. Для этого изобрели и квази научно обосновали идею о тоталитаризме, якобы имманентно свойственном природе социализма и русской ментальности. А некоторые скороспелые ученые даже стали защищать диссертации на тему родства этого изобретения с фашизмом, залившим весь мир кровью невинных жертв во Второй мировой войне. Подсуегились и творческая элита наших стран на подобном садомазохистском поприще, получая за это различные международные награды, в том числе и нобелевские премии.

Процесс декоммунизации логично стал сопровождаться ДЕСОВЕТИЗАЦИЕЙ, стремящейся извратить и опорочить новую форму государственного управления на основе советов народных депутатов, поскольку эта система, рожденная творчеством трудящихся низов с использованием исторического опыта русской общинности и соборности, была без того обмана населения и коррупции, которые наблюдаются сегодня повсюду.

Все это выродилось в конце концов в ДЕМОНИЗАЦИЮ России, набирающую силу с каждой нашей неудачей и приобретающую все новые формы. Так мировой фашизм в современных условиях через демонизацию России превращается в РУСОФОБИЮ.

Только эффектная и убедительная наша победа в СВО (Специальной военной операции) и дальнейшая перестройка всей системы организации нашего общества на принципах социальной справедливости, а также прекращение рассматривать прошлое страны, в том числе ее советского периода – наивысшего достижения нашей цивилизации – с негативным знаком («неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности» – А. С. Пушкин), может изменить порочную тенденцию 4 Д.

Современные геростраты в своих политических баталиях используют отдельные исторические факты вроде бы как для поиска истины, а на поверку оказывается, что они извращают их, опошляя и оплевывая трагические страницы истории собственной страны и ее деятелей.

Эта тенденция очернения прошлого своей страны широко развернулась у нас в культурной, медийной и образовательной сферах. Она словно ядовитое облако окутала сознание современного поколения людей, как в нашей стране, так и за рубежом. На людей в постсоветских и постсоциалистических странах обрушились потоки, а вернее сказать, цунами информации, которые не только отрицали, а намеренно опошляли, извращали все то, что составляло положительные аспекты в жизни всех этих стран и народов в период до крушения Советского Союза. Русофобы внутренние и внешние постулировали идеи в общественном сознании об «исторической неполноценности», «изначальной уродливости», тупиковом пути развития России. А вину за это возлагают на русский народ, который показывается как народ-изверг и народ-банкрот всемирной истории. Легионы политологов, философов, историков, журналистов и деятелей культуры обесценивали, демонизировали прошлое нашей страны и социалистических стран, растлевая умы одного поколения за другим. Деконструкции в захватском угаре были подвергнуты их стержневые для национального самосознания фигуры и события. Конструктивные идеи духовного единения и творческого сотрудничества народов изощренно подменялись национализмом и взаимной ненавистью. К чему привела возгонка энергетики ненависти, демонстрируют Украина и коллективный Запад.

Уместно в этой связи привести слова известного российского историка XIX века Ивана Забелина о значении истории и исторических характеров для современности. Историк справедливо утверждал, что прошлое страны своими событиями и славой или бесславием своих деятелей воспитывает умы последующих поколений. Если галерею исторических портретов будут составлять плуты и негодяи, то на чем молодое поколение воспитает свои идеалы? Оно все равно будет создавать для себя нравственные светочи, искать нравственную высоту. Чужие идеалы и чужих героев оно будет выбирать для себя в качестве ориентира.

Именно потому древние греки и римляне умели воспитывать героев, что изображали в истории и в поэзии лучших передовых своих деятелей, различали драгоценную истину и житейские ложь и грязь.

«У нас же, у русских, воздвигание истории ведется с противоположным знаком», – писал И. Забелин.

Мы усердно обличаем прошлое своей страны, а у своих исторических деятелей только и выискиваем пороки и недостатки.

Этот тренд появился не сегодня. После революции началась компания разрушения «мира насилия до основания», а получилось, что разрушение прошлого превратилось в уничтожение

собственной истории, в обличие наших исторических деятелей. Принижение их заслуг выдавалось за доблесть. Со смертью Сталина Хрущев задал новый импульс, но уже по охаиванию предшествующего периода. И все это вопреки тем закономерностям исторического процесса, которые называются континуитетом (преемственностью) и детерминацией настоящего явлениями прошлого. Однако и после хрущевского периода такая тенденция не прекратилась. А в пору так называемого «*нового мышления*» и с приходом к власти «*демократических расистов*» она приобрела невиданный, прямо-таки, разнузданный и разрушительный характер. Распад Советского Союза привел не только к разрыву многогранных, в том числе и духовных связей многонациональных частей единого на протяжении многих веков государства. Он нанес жесточайший удар, прежде всего, по русскому народу как народу государствообразующему. Более двадцати миллионов его сынов и дочерей в одночасье оказались на правах национального меньшинства. А на практике нередко это означало, что их судьба была сродни судьбе заложников, брошенных и забытых матерью-Родиной на поругание и постепенное физическое вымирание. В народно-психологическом измерении этот процесс нанес русскому народу, ставшему самым разделенным народом современного мира, жесточайшую ментальную историческую травму. Она отразилась и продолжает отражаться до сих пор в сознании других славянских народов, воспринимающих все произошедшее с народом русским с чувствами, которые условно можно распределить по шкале от сострадания до откровенного злорадства.

Произошедшее нанесло серьезный ущерб накопленной за прошедшие века героической истории нашего народа, той магнетической силе, скреплявшей могучее государство, народы, в нем обитавшие, и притягательно действовавшей на единение славянских народов. С ослаблением этого магнетизма изменился и вектор геополитической гравитации в сторону от России.

Все это позволило силам глобального антиславянства настроить другие славянские страны против России и русских с тенденцией на их все большее удаление друг от друга. Это явление стало одним из составляющих «*крестового похода*» коллективного Запада против славянства и Православия, проводимого в течение ряда веков.

С началом СВО и широчайшей по масштабам кампании русофобии как составной части гибридной войны против нашего государства возникли непреодолимые на данном историческом этапе препятствия для славянского единения.

Оценивая объективно текущие события, можно утверждать, что потребуются годы и годы, чтобы совместными согласованными и организованными усилиями творческих сил мирового славянства развернуть процесс деструктивного, разрушительного для каждого славянского народа развития в пользу сохранения мирового славянства как уникального явления мировой цивилизации, объединенного близостью истории, языка, обычаев, культуры, ментальных особенностей и глубоко гуманного миропонимания.

Приходится сожалеть, что до сих пор не потеряли своей актуальности пророческие слова Федора Ивановича Тютчева в его стихотворении «Славянам», обращенном к участникам исторического съезда славян в 1867 году:

Хоть много жертв и горя много
Еще мы видим впереди...

Эти слова были написаны в другую эпоху и при других обстоятельствах. Но такова историческая судьба славян, что из века в век повторяется закономерность, при которой мировое славянство в целом и каждый славянский этнос в отдельности, будь он малый или многочисленный, подвергаются западноевропейской экспансии – политической, экономической и духовной.словно морские приливы и отливы, волны подобной экспансии накатывают на славянский мир, когда ослабевает его сопротивление. За распадом СССР последовал очередной этап такой экспансии.

В последовательном и твердом отстаивании славянской духовности заключена всемирно-историческая миссия России, ее основная вселенская идея. Как раз этого больше всего боятся наши западные недруги и доморощенные либеральные оппоненты, отрицающие возможность альтернативы духовно-нравственному релятивизму. Объединение всех частей славянского мира вокруг гуманистических ценностей, исторически унаследованных ими от предшествующих поколений, – наша важнейшая политическая, культурологическая и морально-нравственная задача на современном этапе.

Это также и магистральный путь гармонизации диалога мировых цивилизаций.

Глава 2. У истоков

История отношений между русским и болгарским народами насчитывает более тысячи лет. В основе этих взаимоотношений – этно-языковое родство и Православие, что позволяет говорить о духовной близости двух народов.

Если верить легендам, первые семена духовного единения были брошены в благодатную почву народного сознания предков наших этносов Святым Апостолом Андреем Первозванным почти две тысячи лет назад, когда со своей апостольской деятельностью после пребывания на землях западного Черноморья он посетил Приднестровье и Новгородские земли.

О миссионерской деятельности Св. Апостола Андрея в Причерноморье сохранилось немало свидетельств древних авторов. Известно, что продолжительное время он пробыл в Корсуне (*Херсонес – ныне пригород Севастополя*). Здесь он проповедовал, здесь до наших дней сохранились развалины древнего храма Святого Андрея с высеченным на скале престолом его имени.

Русский летописец Нестор писал в *«Повести временных лет»*: «Когда Андрей учился в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни – устье Днепра, и... проплыл в устье днепровское и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и встал под горами на берегу. И утром встал, и сказал бывшим с ним ученикам: *“Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей”*. И взойдя на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии будет Киев, и пошел вверх по Днепру. И пошел к словенам, где нынче стоит Новгород». В честь этого события великий князь Всеволод Ярославич, сын Ярослава Мудрого построил в Киеве в 1086 году первую церковь Апостола Андрея. Но во время монгольского нашествия она была разрушена. В 1764 году по указанию императрицы Елизаветы Петровны в память о водружении Св. Андреем креста на горах Киевских сооружен новый замечательный по своей архитектуре храм. План для этого величественного храма составлен гениальным архитектором Б. Растрелли.

О посещении Апостолом славянских поселений, где был основан Новгород, сообщают русские предания. В них указывается даже на то, что Апостол побывал в Валааме – на месте будущего Свято-Преображенского монастыря. Впоследствии на Руси возникло много храмов и монастырей в честь Апостола Святой Руси, как его стали называть у нас, поскольку Святой Андрей был единственным Апостолом, посетившим славянские земли. Он почитается русским народом как наш особенный молитвенник и покровитель. Это нашло свое отражение и в российской государственной символической системе. При Петре I крест, на котором был распят Апостол Андрей, стал флагом российского флота и получил название Андреевского. В 1699 году Петр I учредил Орден Святого Апостола Андрея Первозванного как высшую награду Российской империи. Орден в этом качестве был восстановлен в 1998 году.

Унаследовав великую античную культуру, Византия как наиболее цивилизованная часть Европы в период раннего Средневековья оказывала мощное влияние на славянский мир, вовлекая его в орбиту Православия. Гениальным прозрением, взломавшим церковные каноны, явилась миссия солунских братьев Кирилла и Мефодия, создавших славянскую азбуку и переведших Апостола и Евангелие. *«Повесть временных лет»* рассказывает, как пришли они в Славянскую землю *«и ради быша словени, яко слышаша вилчья божья своим языком. Посем же преложиша Псалтырь, и Охтайкъ и прочая книги»*. В своем повествовании *«Откуда есть пошла Русская земля»* летописец называет это событие важнейшим.

Православие и кириллица стали настоящим катализатором российско-болгарских взаимосвязей. Восприятие древней Русью христианства и кириллицы укрепило духовную близость между двумя народами. В *«Повести временных лет»* так говорится о нашей языковой близости

сти: «словенский языкъ и рускый одно есть», а «грамота словенская, яже грамота есть в Руси и в болгарех дунайскихъ». Переложенная на «словенский языкъ» первоучителями Псалтырь многие века служит духовному возвышению наших народов как книга богослужебная. В то же время как произведение поэтическое она оказала неоценимое воздействие на развитие поэтической традиции в русской и болгарской литературах. В стихотворении, посвященном церковному поминовению Св. Кирилла, Тютчев называет русских поэтов продолжателями дела первоучителя:

Причастные его труду,
Чрез целый ряд веков, чрез столько поколений,
И мы, и мы его тянули борозду
Среди соблазнов и сомнений.

А российский поэт 80-х годов прошлого века Владимир Шленский в тональности своего времени пишет:

Спасибо за первооснову,
За то, что великое Слово
Живым пребывает в веках.
И азбуки мощное пламя
Горит, освещая нам память.
Себя постигаем в словах.

Спасибо, Кирилл и Мефодий!
Ваш труд не забудут в народе,
Достоин он высшей любви.

Благодаря духовному подвигу святых братьев Кирилла и Мефодия и их учеников, молодое болгарское государство стало истоком славянской письменности и культуры. Подготовленные в христианских монастырях Византии и Болгарии монахи-миссионеры, преимущественно славянского происхождения, несли в древнерусские княжества «*грамоту словенскую*». Но процесс этот был сопряжен с большими трудностями и не только из-за отсутствия безопасных путей коммуникации. В это время шло напряженное соперничество между восточным и западным христианством за влияние на славянские народы. Единство православной веры и церковнославянского языка в Болгарии, Сербии и Русском государстве соседствовало с римским католичеством в Чехии и Словакии (*на землях Моравии*), в Польше и на Балканах (*словенцы и хорваты*). Так проходила разделительная линия в славянском мире, что не раз в течение веков оборачивалось трагедиями народными. Кирилл и Мефодий в 863 году прибыли по просьбе князя в Великую Моравию, где в течение ряда лет боролись с немецким католическим духовенством, занимаясь, наряду с проповеднической, активной переводческой деятельностью, обучая этому и своих учеников. При посещении Рима Кирилл умирает 14 февраля 869 года. После его смерти Мефодий становится архиепископом Среднего Дуная, продолжая проповеди и переводы священных книг на церковнославянском языке, несмотря на постоянные интриги католических священников.

После кончины Мефодия (6 апреля 885 г.) ученики святых братьев Климент, Наум и Ангеларий приглашены князем Борисом (в крещении нареченного *Михаилом*) в Болгарию, где им были созданы самые благоприятные условия для просветительской и творческой работы. Поддержка главы государства способствовала созданию двух мощных религиозно-просветительских центров в одноименных монастырях Святого Пантелеймона в Великом Преславе и

Охриде, о чем упоминалось в предыдущей главе. При сыне Бориса царе Симеоне Великом (893–927 гг.) Болгария достигает наивысшего подъема политической и культурной жизни, который получил название болгарского «золотого века».

В X–XII веках палитра политической жизни на пространстве Византия-Болгария-Киевская Русь была сложной, наполненной многочисленными столкновениями, замирениями, кратковременными военными союзами, успешными и провальными походами «из варяг в греки». Этот путь был подробно описан в книге византийского императора Константина Богрянородного «Об управлении империей» как давно устоявшийся и известный военно-экономический путь, связывающий Византию со славянскими государствами. Интенсивное развитие торговли и ремесел приводит к укреплению торговых связей русских купцов с Болгарией и Византийской империей, что способствует распространению их духовного, культурного и экономического влияния на славянские племена и, как следствие, – принятию христианства народами, проживающими на территории Руси. В этот период происходит возвышение Киева, как столицы великого княжества. После принятия в 988 году равноапостольным великим князем Владимиром Святославичем христианства начинается строительство храмов и монастырей. Купцы и участники военных походов приносят из Болгарии и Константинополя священные книги. В храмах и монастырях создаются библиотеки. Известно, что в 1037 году в Софийском соборе, ставшем кафедральным для киевских митрополитов, создается первая русская библиотека. В монастырях открываются первые русские школы для детей. В этом процессе активную роль играет болгарское духовенство. Весьма показательным является то обстоятельство, что первым духовным предстоятелем в Киеве стал направленный из Константинополя в 989 году митрополит Михаил Болгарин.

Святитель Михаил почитается первым митрополитом Киевским. Православная Богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь сообщает: «Исконное предание Русской Церкви признавало Михаила первым митрополитом Киевским». Это церковное предание первым пытался научно обосновать митрополит Киевский Евгений (Болховитинов). Под его влиянием на этом мнении настаивал в своем исследовании под заглавием: «Кто был первый митрополит Киевский?», изданном Киевской духовной академией в 1839 году, студент академии VII курса, иеромонах Евсевий (Ильинский) (1831–1835), впоследствии экзарх Грузии. Подобная точка зрения была принята такими учеными, как церковные историки преосвященные Филарет (Гумилевский) и Макарий (Булгаков) и историк С. М. Соловьев.

В то же время, в Богословской энциклопедии утверждается, что древнейшие русские летописи или вовсе не упоминают о митрополите при святом Владимире, или называют первым митрополитом грека Леона. Михаил упоминается впервые в «Степенной книге» и Никоновской летописи. Новейшие историки придерживаются мнения, что первым митрополитом был Леон, а для объяснения предания о Михаиле предлагают различные гипотезы, из которых ни одна не может считаться научно обоснованной.

В «Жизнеописании» Святителя Михаила, опубликованном в Православной энциклопедии, говорится: «Был родом сириец или, по другим летописным данным, болгарин или серб. Когда св. равноапостольный князь Владимир решил просветить Русскую землю святым Крещением он послал в Царьград просить для этого пастырей. Для этого патриарх свт. Николай II Хрисоверг прислал в Корсунь шесть епископов, множество священнослужителей и клириков во главе с митрополитом Михаилом, мужем премудрым в святой жизни. Они привезли также иконы, богослужебные книги на славянском языке, церковную утварь и мощи угодников Божиих. Церковь поет “Нищетю неверия одержимой земле Российской принес святитель Михаил из царствующего града Царьграда Евангелие Христово и сие даровал ей”.

Из Корсуни вместе с новокрещенным князем митрополит прибыл в Киев в 989 году, где начал свое ревностное служение по распространению Христианства на Руси. Крестив 12 сыновей князя Владимира, бояр и киевский народ, собравшихся для этого на Днепре, святыи-

тель начал заботиться об уничтожении языческих суеверий. Из храмов, построенных в Киеве, самым большим являлся Десятинный в честь Успения Пресвятой Богородицы, на постройку которого святитель Михаил благословил великого князя Владимира и куда перенесли гроб с мощами великой княгини Ольги. С митрополитом Михаилом связывают построение Киево-Златоверхо-Михайловского монастыря, а с прибывшими с ним из Царьграда монахами – основание Киево-Межигорского монастыря».

После крещения Киева первосвятителю предстояло обратить в христианство народ других русских земель. С этой целью он посещает с проповедью русские города – Новгород в 990 году и Ростов Великий в 991 году. В Православной энциклопедии говорится:

«В Новгород он отправился в сопровождении епископов, княжеского воеводы Добрыни и Анастаса Корсунянина. Здесь он сокрушил идолов, многих крестил, построил несколько церквей и поставил к ним пресвитеров. В Ростове успех его проповеди был значительнее: он крестил без числа людей, воздвиг много церквей, поставил к ним пресвитеров и диаконов, установил чин церковного богослужения и управления».

В Ростове им была основана первая деревянная церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы и поставлен епископом свт. Феодор Грек. За годы служения святителя Михаила храмы открылись также в Переяславле, Чернигове, Белгороде, Владимире Волынском и других городах Руси.

Летописец повествует, что при святом Михаиле *«вера православная расцвела и засияла, как солнце. Святитель Михаил отличался кротостью, смирением, неутомимостью в трудах и был истинным отцом своей паствы. Он был мудрым и строгим иерархом. Он поставлял пресвитеров, избирал опытных наставников, и им поручал дело обучения и образования детей в страхе Божиим и целомудрии. При нем приняли крещение четыре болгарских князя (вероятно, речь идет о князьях волжской Болгарии. – А. Щ.) и один печенежский. Известно еще, что он отправил монаха Марка проповедовать христианскую веру к волжским болгарам-мусульманам. Церковь сохранила память о заслугах первосвятителю: в синодиках Новгородского и Киевского Софийских соборов он по праву именуется “Первоначальником” Русской Церкви. Святитель упокоился от своих трудов в Киеве в 992 году. Днем кончины предание называет 15 июня».*

Согласно преданиям, митрополит Михаил был неутомимым проповедником учения Христова и авторитетным духовным наставником. Позже он был причислен Русской православной церковью к лику святых. После его кончины (992 год) мощи Михаила были помещены в Киево-Печерской Лавре. Вместе с митрополитом Михаилом в Киев прибыли и другие священники славянского происхождения, которые были первыми организаторами церковного и образовательного дела на Руси. Этим они на практике реализовали великую миссию святых Кирилла и Мефодия.

В отечественной исторической литературе XIX-XIX веков этот период назван периодом *«первого южнославянского влияния».*

Вероятно, в этом нашла свое отражение, говоря современным языком, так называемая политкорректность ученых-историков. Нам же с учетом заданного аспекта настоящего повествования представляется более точным его определение как *«первого болгарского влияния».*

Особую роль при этом сыграли церковные книги. Уже в XI–XII веках на Руси был известен *«Шестоднев Иоанна Болгарского»* первой четверти X века. Одно из первых произведений древнерусской литературы *«Повесть о Борисе и Глебе»* написано в XI веке. Борис и Глеб – это князья Древней Руси, сыновья Владимира Равноапостольного. Некоторые исследователи полагают, что мать их была болгарка. До своего крещения Владимир имел двенадцать сыновей от различных жен. Приближаясь к кончине, он разделил Русскую землю между сыновьями по уделам. Борис получил Ростовское княжество, Глеб – Муромское. Великим князем Киевским

стал старший брат Святополк⁵. Стремясь захватить другие княжества, Святополк организовал заговор против своих братьев, подослал убийц, которые (в 1015 году) расправились сначала с Борисом, а затем и с Глебом. Против коварного и жестокого Святополка, которого русский народ прозвал Окаянным, выступил Новгородский князь Ярослав Владимирович, разгромивший в 1019 году Святополка, несмотря на помощь ему войсками его тестем – польским королем Болеславом I.

Став киевским великим князем, Ярослав Владимирович, прозванный Мудрым, повелел похоронить своих братьев в храме, построенном их отцом в городе Вышгороде, который расположен на берегу Днепра выше Киева. Борис и Глеб канонизированы Русской Православной Церковью. И сегодня их иконы можно видеть во многих русских храмах. В 1240 году Вышгород был разрушен монгольскими завоевателями. Уничтожен великолепный храм святых мучеников, а их мощи утрачены. День их памяти отмечается 2 мая.

Влияние болгарской книжной школы продолжалось и после падения Болгарского царства под натиском Византийской империи в 1018 году. Византийские патриархи продолжали направлять в русские княжества архиереев, ученых монахов, религиозную литературу как на греческом, так и на церковнославянском языках.

В результате восстания в 1186–1188 годах болгары под предводительством братьев Петра и Асена освобождаются от византийского владычества. Столицей нового Болгарского царства становится город Тырново. Здесь строятся новые храмы и монастыри. Активизируются русско-болгарские культурные и церковные контакты. Болгарский историк П. Павлов указывает, что в XII–XIII веках на болгарской военной службе неоднократно встречаются так называемые бродники как союзники династии первых Асеновцев⁶. Русские источники свидетельствуют о бродниках как о населении побережья Азовского моря и низовьев Дона в XI–XIII веках, которые были предками казаков. Они участвовали в междоусобных столкновениях русских князей, русско-половецких и в других сражениях. Отечественные исследователи отмечают их полиэтничность, но при этом в качестве основного в среде бродников рассматривается русскоязычный и православный субстрат. К середине XIII века сведения о них исчезают, они растворяются в родственных им по языку, религии, образу жизни и роду занятий этнических образованиях.

Контакты русских княжеств с балканскими славянами в раннее Средневековье осуществлялись не только по военной, торговой и дипломатической линии. В этот период получает распространение паломничество в Константинополь, Святую Землю и к другим местам Православного мира. В житии преподобного Феодосия Печерского⁷, написанном Нестором, рассказывается о паломничестве как о составной части духовной жизни христиан Древнерусского государства. Странники-богомольцы, посещая по пути к святым местам болгарские города, монастыри и храмы, знакомились с культурой, бытом, историей, архитектурой родственного им славянского народа. Возвращаясь, они приносили на родину свои богатые впечатления, наблюдения и церковные книги.

Надо полагать, что именно к этому времени относится появление на Руси старой церковной книги (*Евангелия*), написанной отчасти на глаголице и отчасти на кириллице. Книга эта, подобно савану, окутана множеством легенд. Согласно одной из них, книга была доставлена во Францию дочерью Ярослава Мудрого Анной Ярославной (1024–1075), ставшей королевой Франции, выйдя замуж за французского короля Генриха I. Легенда позже была опровергнута

⁵ Святополк был третьим по старшинству из двенадцати братьев. Но до его вокняжения двое старших братьев – Вышеслав и Изяслав – умерли. В исторической литературе распространено мнение, что Святополк не являлся родным сыном Владимира. Его отцом был Ярополк Святославич, жену которого «унаследовал» Владимир после гибели в междоусобной борьбе этого своего старшего брата.

⁶ Павлов П. Указ. соч. С. 31.

⁷ Феодосий Печерский (ок. 1008–1074) – преподобный, игумен Киево-Печерский, основатель монастырского общежития в Русской Православной Церкви.

русским историком и археографом С. М. Строевым. Находясь в командировке в Германии и Франции в 1837 году с заданием описать русские и славянские памятники, хранящиеся в западноевропейских архивах, С. М. Строев изучал и упомянутое Евангелие. Эта священная книга получила название *Реймского Евангелия*, на котором приносили клятву некоторые из французских королей с XI века и вплоть до Великой французской революции (1789 г.). По другой легенде, будто бы русский царь Петр I, находясь в 1717 году во Франции, без труда начал читать «*таинственную книгу*», написанную непонятными письменами. Легенда указывает, что царь без труда справился с кириллическим текстом. Легенды и само Евангелие, при всей запутанности его истории, являются очередным свидетельством нетленности заслуг великих создателей славянской письменности и их учеников, а благодаря этому – длительной истории русско-болгарского духовного взаимодействия⁸.

В X–XI веках на Руси происходит бурное развитие городов, сооружаются многочисленные монастыри и храмы. Широкое распространение приобретает строительство каменных зданий. При этом используются опыт и технология, приобретенные посредством контактов древней Руси с Византией и болгарскими княжествами. *Житие святого Ефрема Печерского*⁹ рассказывает о его путешествии в Константинополь, хотя и умалчивает о маршруте следования. Житие сообщает, что по пути он «*наблюдал жизнь святых людей, посещая жилища отшельников, земных ангелов, насыщаясь в изобилие духовною пищею, душеспасительными беседами и наставлениями святых отцов*»¹⁰. Став епископом, он украсил город Переяславль-Южный каменными храмами, гражданскими зданиями, возвел вокруг него стену из камня. В этом, без сомнения, нашли свою реализацию наблюдения, которые Святитель получил во время паломничества. В целом эпоха X–XII веков отмечена расцветом русской культуры. Это и соборы Святой Софии в Киеве и Новгородская София (*дошедшая до нашего времени в первоначальном виде*), целый ряд других творений древнерусского зодчества, это ценнейшие мозаики и фрески, это и проникновенные Киевские и Новгородские летописи, жития святых и хождения паломников¹¹.

Однако расцвет культуры в древнерусских княжествах обрывается в середине XIII века в результате монгольского нашествия. Словно ураган пронесли орды завоевателей по Руси, уничтожая крепости и города, монастыри и храмы. Но благодаря Православию и таланту нескольких поколений русских князей, а также архиереев Русской православной церкви, патриотизму, трудолюбию и исключительной жизнестойкости русского народа, его вере в учение Христа, была сохранена русская цивилизация как органическая часть цивилизации славянской и русская государственность, которая стала на протяжении многих столетий генетическим свойством русской нации.

Процесс возрождения Руси после монгольского завоевания довольно обстоятельно освещен в отечественной историографии. Поэтому в нашем исследовании нет нужды затрагивать его подробнее.

⁸ Павлов П. Указ. соч. С. 36.

⁹ Ефрем Печерский (+1098) – святой, епископ Переяславский, он происходил из богатой семьи, был казначеем и заведовал хозяйством при дворе Киевского великого князя Изяслава I Ярославича. Принял монашеский постриг с именем Ефрем в Печерском монастыре. По преданию является автором «Сказания и похвального слова святителю Николаю Чудотворцу».

¹⁰ Цит. по: Житнев С. Ю. История русского православного паломничества в X–XVII веках. М., 2007. С. 85.

¹¹ Одним из первых произведений паломнической литературы стало «Житие и хождение игумена Даниила» – сочинение начала XII века. См.: Житнев С. Ю. Указ. соч. С. 89–105.

Глава 3. Киприан

*Его наше отечество вскормило, вам же Бог его даровал.
Григорий Цамблак*

С возрождением политической, хозяйственной и церковной жизни в пределах русских земель в XIV веке, несмотря на продолжающееся золотоордынское иго, происходит постепенное возвышение Московского княжества. Его государи получают вначале титул великих князей Владимирских, а затем великих князей Московских.

Переезд русских митрополитов в Москву содействует активизации здесь духовной жизни, бурному строительству в Северо-Восточной Руси новых храмов и святых обителей. Продолжаются связи с Византией и Болгарией.

Несмотря на захват золотоордыдцами почти всей Восточной Европы, Константинополь сохранил на этих землях свое церковно-конфессиональное управление. Константинопольский патриарх по-прежнему назначал митрополитов киевских, а позднее и московских¹². Орда считалась с этим обстоятельством, используя его как фактор политического влияния на покоренных территориях. Именно этим объясняется тот факт, что в отличие от русских княжеств, Русская Церковь была освобождена Ордой от необходимости выплачивать дань.

Упадок Киевского княжества и его вассальная зависимость от Золотой Орды привели к тому, что в 1362 году Киев был захвачен Литовским великим князем Ольгердом. После чего Киев на два с лишним столетия был включен в состав Великого княжества Литовского (*документы того периода называют его Русско-Литовским*), которое к тому времени занимало обширную территорию. На востоке оно граничило с Тверью, Москвой и Рязанью. Большинство его населения было русским и православным. Правящая династия Литовского княжества, оставаясь языческой, длительное время лавировала между Римом и Константинополем, добиваясь политических выгод, при этом обещая то принять православие, то католичество.

Восточная Римская империя (Византия) испытывала в этот период нарастающее давление воинствующих мусульманских племен. Одновременно она вела борьбу с Западной Европой за влияние на славянские государства. В этих обстоятельствах требовалось большое политическое искусство, чтобы не ослабить религиозно-духовной зависимости славянских народов от Константинополя на его конфессиональном пространстве и умело противодействовать княжескому сепаратизму. За время своего существования Византия (Восточная Римская империя) накопила огромный опыт государственно-политического строительства и организации церковной жизни. К XIV веку сложившаяся в Константинополе система образования не имела себе равных в Европе.

Угроза существования самой империи вследствие надвигавшейся с Востока османской агрессии и отсутствие при этом реальных надежд на помощь со стороны западноевропейских государств (*их алчная, варварская сущность проявилась во время крестовых походов*) понуждали наиболее передовых людей Константинополя обращать свои взоры на славянские государства, с которыми они связывали в будущем историческую судьбу Православия. Основанием для этого было то, что за триста лет после крещения Руси христианство прочно утвердилось в сознании этого славянского народа. Поистине стратегическое мышление, оказавшее судьбоносное влияние на дальнейший ход исторического процесса, отличало императора Иоанна Кантакузина (1341–1354 гг.) и константинопольского патриарха Филофея Коккина (1353–1354 гг. и 1365–1376 гг.). Они хорошо понимали, что священники, направляемые Константинополем в восточнославянские княжества, чтобы удержать их в лоне Православия, должны

¹² До 1589 года во главе Русской Церкви стояли митрополиты.

быть личностями незаурядными, обладающими дипломатическими способностями и большой эрудицией, могущими разобраться в хитросплетениях борьбы этих княжеств между собой за гегемонию.

Именно такими качествами был наделен Киприан – доверенное лицо патриарха Филофея. Киприан происходил из болгарского рода Цамблаков. Он принял монашество в Тырновском Килифаревском монастыре. Из Болгарии ушел в Константинополь. Оттуда в Афон, где стал келейником Филофея Коккина – в ту пору игумена лавры святого Афанасия на Афоне. Став в 1364 году вселенским патриархом, Филофей назначает Киприана, высокие интеллектуальные и нравственные достоинства которого он хорошо оценил на Афоне, апокрисиарием (*ходатаем по церковным делам*). Несмотря на значительную разницу в возрасте, – Филофей был лет на тридцать старше Киприана, – между ними установились близкие, доверительные и дружеские отношения. Они были единомышленниками – исихастами.

Это учение получило распространение в первой половине XIV века. В монашеской молитвенной практике оно находило выражение в уединении, безмолвии, углублении в молитву, тишину и внутренний покой. Исихасты утверждали, что при достижении духовного совершенства человеку открывается реальная возможность общения с Богом. В этом, на наш взгляд, было много общего с молитвенной практикой Сергия Радонежского и его учеников. Исихасты верили в реальную возможность общения человека с нетварным миром. Из этой веры вытекал их духовно-социальный оптимизм и вера в возможность установления на земле общества, устроенного по Божественным законам.

Противниками исихастов были гуманисты, с точки зрения которых Бог существует лишь как отвлеченное понятие, а вся духовная жизнь человека протекает в сферах материальных. Здесь, как нам представляется, проходит основной водораздел в понимании сущности эпохи Возрождения в католическом, протестантском и Православном мире.

Монашеско-исихастское движение в первой половине XIV века приобретает широкое развитие в Болгарии, где в это время происходит взлет духовной культуры. Эту эпоху называют вторым «золотым веком» болгарской литературы. Одним из крупнейших духовных центров становится Килифаревский монастырь, который ведет интенсивную деятельность по распространению духовной литературы, в том числе и в восточнославянских княжествах. В этом монастыре происходит духовная закалка Киприана, здесь он приобщается к литературному творчеству, которое получило свое развитие, благодаря влиянию Филофея – богослова, поэта, историка, автора полемических трактатов и гимнологических сочинений. Близким другом патриарха Филофея был император Иоанн Кантакузин – автор литературных, исторических и богословских трудов. Оба выдающихся государственных деятеля стремились к объединению Руси и утверждению авторитета Московского княжества как центра восточнославянского Православного мира, но подчиненного Византии.

Из этой высоко духовной среды вышел будущий русский митрополит Киприан. В 1373 году Филофей поручает Киприану миссию выступить миротворцем в конфликте между Московским князем Дмитрием Ивановичем (*после Куликовской битвы получившего имя Донской*) и Тверским князем Михаилом Александровичем, который в борьбе с Московским княжеством опирался на Великое княжество Литовское. Князь Дмитрий первым из великих князей Московских, ясно и определенно заявил о стремлении к государственному единодержавию. Ибо только таким образом, объединив силы, можно было покончить с монгольским владычеством. Московский митрополит Алексей¹³ и игумен Троицкий Сергей Радонежский,

¹³ Алексей Московский (ок. 1293–1378), святой, митрополит Киевский и всея Руси в 1354–1378 гг. В середине XIV века митрополит Феогност, предчувствуя свою скорую кончину, возвел Алексея в сан епископа Владимирского. С 1354 г. он становится предстоятелем Русской православной церкви. Сыграл исключительную роль в объединении русских земель вокруг Москвы. См.: Быков А., Кузьмина О. Митрополит Киприан. Портрет на фоне эпохи // История (еженедельное приложение к газете «Первое сентября»). М., № 22–23, 2001.

обладавший огромным нравственным авторитетом, помогали князю Дмитрию в примирении, увещевании и усмирении других князей: Рязанского, Суздальско-Нижегородского. Когда Нижегородский князь пытался противостоять собиранию сил Русских земель, Алексей, чтобы избежать кровопролития, благословил Сергия Радонежского на закрытие храмов в Нижнем Новгороде и на запрет богослужения в них. Это усмирило князя. Усмирил преподобный Сергий и Рязанского князя.

Междоусобная рознь была на руку Золотой Орде и Литовскому княжеству. Литовские князья обращались в Константинополь с жалобами и настоятельными требованиями дать им своего митрополита. В этот период Русская православная церковь переживала сложные времена. Она была разделена на две – помимо Московских митрополитов византийские патриархи назначали митрополитов «всая Руси»: Киевского и Литовского¹⁴.

В этой ситуации Константинополь проявил осторожность и политическую дальновидность, посылая Литовским князьям грамоты, в которых призвал их не ссориться с митрополитом всея Руси. Фактически Константинополь поддерживал Москву, с которой связывал будущее Православия на территории Восточной Европы. Еще святитель Петр¹⁵, ставший в 1309 году митрополитом Киевским и всея Руси, поселился не в Киеве, а в Москве, проводя политику поддержки Московского князя. Следующий митрополит Феогност также жил в Москве и также вел промосковскую политику. Сменивший его митрополит Алексей на протяжении ряда лет фактически был правителем Москвы из-за малолетства Дмитрия¹⁶.

Киприану во время его пребывания на Руси в качестве посла Константинопольского патриарха удалось наладить хорошие отношения с Московским и Литовским великокняжескими домами и тем самым способствовать примирению Москвы с Тверью. Он вместе с митрополитом Алексием посещал Литву. Бывал в русских городах, участвовал в рукоположении новых архиереев. В 1374 году Киприан по благословению митрополита Алексия переправляет из Вильны в Константинополь частицы мощей виленских мучеников-христиан Антония, Иоанна и Евстафия, которые были замучены в 1347 году по приказу литовского князя-язычника Ольгерда¹⁷.

В конце 1375 года патриарх Филофей, идя навстречу просьбам литовских князей о назначении Киприана митрополитом Литовским, рукоположил его митрополитом Киевским и всея Руси. При этом он исходил из того, *«чтобы древнее устройство Руси сохранилось и на будущее время, то есть, чтобы она опять состояла под властью одного митрополита, соборным деянием законополагает, дабы после смерти кир Алексия кир Киприан получил всю Русь и был одним митрополитом всея Руси»*.

В этом объективно проявилось стремление Филофея объединить Русскую православную церковь и не допустить ее раскола.

Как утверждают российские ученые А. Быков и О. Кузьмина, зимой 1374–1375 годов Киприан вместе с московским митрополитом Алексием отправляются в Переславль-Залесский

¹⁴ Филякова Е. Г., Меньшов В. Е. Святые земли Московской. М., 2004. С. 22–23.

¹⁵ Петр Московский – святой, митрополит Киевский и всея Руси в 1308–1326 гг.

¹⁶ Артемьев А. В. Святитель Киприан – митрополит Киевский и всея Руси. М., 2006. С. 10–11; См.: Быков А., Кузьмина О. Указ. соч. См.: Православная Богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь. Том X. Митрополит всея Руси. Русский биографический словарь А. А. Половцова; Голубински Е. История Русской Церкви. Т. 1. М., 1901; Димитров П. Владимир Покреститель и княгиня Ана. В.: Годишник на СУ «Св. Климент Охридски». Център за славяно-византийски проучвания «Иван Дейчев». Т. 83 (3). С. 49–83; Жития на българските светии, Манастир Св. ВМЧК Георги Зограф, Света Гора – Атон, 2002. С. 45–51; Жития русских святых. Месяцеслов. М., 2009. С. 173; Жития русских святых. М., 2011. Т. 2. С. 197; Макарий (Булгаков), Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. С. 199; Карташев А. И. Очерки по истории Русской Церкви. М., 2009. Т. 1; Петрушко В. И. История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества. М., 2007.

¹⁷ Артемьев А. В. Святитель Киприан – митрополит Киевский и всея Руси. М., 2006. С. 12.

– город Великого князя Дмитрия Ивановича. Киприан знакомится с игуменами Сергием Радонежским и его племянником Феодором Симоновским: между ними возникает переписка.

Однако назначение Киприана не было принято Великим Московским князем, который заподозрил Киприана в сближении с его соперниками – Тверским и Литовским князьями. Великий князь Дмитрий заявил в гневе, что не бывать на Руси другому митрополиту, пока жив святитель Алексей. Когда в июне 1376 года митрополит Киприан прибыл в Киев и попытался через послов добиться признания своих прав у Москвы, Новгорода и Пскова, его попытки не увенчались успехом.

В 1376 году Киприан временно возглавляет отделенную Литовскую митрополию.

Стремясь найти замену Алексею из числа русских священников, Великий князь Дмитрий Иванович начинает продвигать своего печатника Митяя по церковной иерархии. Весной 1376 года Митяй принимает монашеский постриг, а затем назначается архимандритом московского Спасского монастыря. Но он ни в коей мере не мог сравниться с весьма образованным для своего времени и опытным в церковных делах Алексием, который был единомышленником патриарха Филофея в том, что касалась объединения русских земель под скипетром Москвы.

Филофей утвердил Алексея в качестве митрополита только *«после надлежащего самого тщательного испытания в продолжение почти целого года»*. По сложившейся практике Константинополь придерживался принципа утверждать на митрополичий престол Руси выходцев из Византии – священников, которые в силу своего происхождения были бы способны встать над национальными интересами и действовать в пользу православной Церкви в целом. Но в этом, на наш взгляд, просматривались и неизбежные имперские вождедения Византии, хотя как такого государства Византия после завоеваний Османской империи на Балканах уже не существовало.

Алексий, несмотря на чрезвычайно взыскательное к нему отношение иерархов Константинополя, сумел добиться собственного утверждения в качестве московского митрополита. Зная о стремлении Филофея к объединению Руси, Алексий довольно спокойно воспринял новость о назначении Киприана своим преемником. Когда Великий князь Дмитрий Иванович стал настаивать на том, чтобы Алексий благословил Митяя, митрополит отказался, мотивируя это тем, что Митяй *«новоук»* (новичок) в монашестве. Митрополиту было не безразлично, кто займет его место.

Убедившись, что Дмитрий не принимает Киприана, Алексий предложил Великому князю компромиссное решение: остановить выбор на самом опытном в тот период и весьма авторитетном в духовной жизни игумене Сергии Радонежском.

Однако Сергий Радонежский решительно отказался от такого предложения. Митрополит настаивал, но Сергий попросил не продолжать, пригрозив иначе уйти из этих пределов. Алексий, ничего не добившись, отпустил его в монастырь. *(Примечательно, что будущий митрополит Алексий был пострижен в иноки в Богоявленском монастыре в Москве, когда ему шел двадцатый год. Игуменом монастыря был Стефан, брат великого чудотворца Сергия Радонежского.)*

12 февраля 1378 года в возрасте восьмидесяти лет митрополит Алексий умер.

«Спустя много лет обретенны были святые и многоцелебные его мощи нетленными. Даже ризы на почившем святителе были совершенно целы, как будто их надевали накануне. После чего эти святые мощи были перенесены в церковь, построенную им во имя этого угодника Божия. От них и доселе источаются, как бы от неиссякаемого источника, многие исцеления, и подается святыми его молитвами помощь всем с верой припадающим к ним по неизреченному милосердию Господа нашего Иисуса Христа. Ему же слава вовеки. Аминь» (*«Житие святого отца нашего Алексия, митрополита московского и всея Руси чудотворца»*).

Несколько столетий упомянутые в Житие ризы (саккос – это подлинный шедевр древнерусского искусства) бережно хранились в Патриаршей ризнице Московского Кремля. В 1918

году они были направлены в музейный фонд и долгое время украшали экспозицию древних тканей и шитья в Оружейной палате. В течение нескольких последних десятилетий была проведена научная историко-техническая реставрация этого саккоса.

Киприан направился в Москву, предварительно обратившись с письмами к Сергию Радонежскому и игумену Симоновского монастыря Феодору¹⁸ с просьбой о поддержке. При подъезде к Москве он был схвачен, ограблен и затем грубо выдворен за пределы Московского княжества. Великий князь Дмитрий, желая не допустить на Московскую митрополичью кафедру ставленника Константинополя и тем самым ослабить влияние последнего, выдвинул на митрополичий престол своего сподвижника Митяя, который спешно направляется в Константинополь для утверждения в сане митрополита. До этого, как указывалось выше, он был пострижен в монашество с именем Михаил и рукоположен архимандритом московского Спасского монастыря¹⁹.

Некоторые исследователи полагают, что на решение князя Дмитрия оказала влияние усилившаяся в этот период в Москве боярская партия, сотрудничавшая с генуэзскими купцами, которые были противниками Константинополя²⁰. Генуя и Венеция внимательно наблюдали за ростом влияния Москвы и развитием ее отношений с Константинополем и Литвой. Через Золотую Орду, с которой они вели торговлю в Крыму, генуэзцы и венецианцы оказывали давление на московских бояр в стремлении противодействовать Константинополю. Этим политическим кругам было нежелательно появление Киприана – непримиримого противника католичества, в качестве митрополита Московского.

В 1376 году патриарх Филофей Коккин был смещен, его приемником стал Макарий²¹, отказавший в поддержке митрополиту Киприану. Внутривосточная борьба в Византийской империи испытывала в конце XIV века серьезное давление со стороны Генуи и Венеции, захвативших практически всю торговлю в бассейнах Черного и Средиземного морей. В ожесточенном соперничестве между собой оба города-государства активно использовали политические противоречия внутри Византии. Внешнее влияние и затянувшийся внутренний кризис в Византийской империи привел к ослаблению и политической нестабильности, частой смене императоров и патриархов, что нашло свое отражение и на политическом курсе государства, а в конечном счете – на поражении в борьбе с Османской империей.

Константинопольский патриарх Макарий, узнав о кончине святителя Алексия, прислал в Москву грамоту, запрещающую принимать на митрополичьей кафедре святителя Киприана и выражавшую согласие с кандидатурой Михаила-Митяя, который был приглашен для рукоположения в Константинополь.

Такая позиция патриарха послужила причиной распоряжения Великого князя Дмитрия об аресте, прибывшего в Москву Киприана, глумления над ним великокняжеских слуг и последующей высылке его. Этому Киприан не мог простить. Поэтому он предал анафеме и Великого князя, и бояр, и архимандрита Михаила-Митяя, что, в свою очередь, вызвало еще большее раздражение Великого князя. Киприан направился в Константинополь, но по другому пути в отличие от Михаила-Митяя, полагая, не без оснований, что через Золотую Орду ему ехать небезопасно. Он направил несколько посланий Сергию Радонежскому и Феодору Симонов-

¹⁸ Феодор Симоновский (+1394) – святой, архиепископ Ростовский, племянник и воспитанник преподобного Сергия Радонежского, сын его брата Стефана. С помощью Сергия Радонежского он основал Симоновский монастырь и был его первым игуменом.

¹⁹ По пути Михаил-Митяй был принят в Золотой Орде Мамаем и с почетом пропущен через его земли в Крым, принадлежавший тогда генуэзцам. История, связанная с архимандритом Михаилом-Митяем, подробно описана в «Повести о Митяе», дошедшая до нас в трех разных редакциях. Крупнейший российский ученый – специалист по древней литературе Г. М. Прохоров убедительно доказал, что это произведение было написано осенью 1382 года святителем Киприаном. См.: Прохоров Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть Митяя // В. Б. СПб., 2000. С. 223.

²⁰ Артемьев А. В. Святитель Киприан – митрополит Киевский и всяя Руси. М., 2006. С. 13.

²¹ Макарий – патриарх Константинопольский в 1376–1379 гг.; вторично в 1390–1391 гг.

скому, в которых выражал возмущение поведением князя Дмитрия, но писал, что почитает его как Великого князя всея Руси и молится за него.

По пути Киприан посещает родной город Тырново. О том, как его встречали на родине, говорится в *«Похвальном слове Киприану»*, которое было произнесено после его смерти племянником Киприана Григорием Цамблаком. Весь город вышел встречать своего земляка: *«Мужчины и женщины, богатые и бедные, старики и дети, здоровые и больные – все стремились коснуться его священных одежд, его ноги или руки, а те, кто не успевали, оставались в отдалении и издали принимали его благословение, и исцеление, и духовное восхищение»*. В столицу Византии Киприан прибыл весной 1379 года, где впоследствии принял участие в соборе, низложившем патриарха Макария, на место которого был избран Нил²².

Тем временем Михаил-Митяй с многочисленным великокняжеским посольством по Черному морю приближался к Константинополю. Но по неизвестной причине он заболел и скоропостижно скончался. Возглавлявший посольство *«большой боярин»* Кочевин-Олешенский побоялся вернуться в Москву, не исполнив воли Великого князя. Он вошел в сговор с другими членами посольства. Схоронив Митяя в Галате, которая, кстати сказать, принадлежала генуэзцам, московская делегация подделала великокняжескую грамоту и представила в качестве кандидата в митрополиты переяславского архимандрита Пимена, прибывшего в составе делегации. Для подкупа участников собора были заняты у византийских ростовщиков от имени Великого князя большие деньги. С помощью этих махинаций Кочевин-Олешенский добился соборного решения, по которому Пимен был рукоположен патриархом Нилом в сан митрополита Киевского и Великой Руси. Западная Русь и Литва остались за митрополитом Киприаном, который не стал дожидаться акта поставления Пимена и летом 1380 года уехал в Литву.

«Когда был в Литве, – писал позже Киприан о своей деятельности, – много христиан от горького пленения освободил; многие из невидящих Бога познали от меня истинного Бога и к православной вере святым крещением пришли. Церкви святые ставил. Христианство утвердил. Места церковные, запустошенные в давние года, оправил, присоединив к митрополии всея Руси».

«Не вышло из моих уст слово на князя на великого на Дмитрия ни до ставления, ни по поставлении <...>, – утверждал Киприан, – “ненавидел” тех, кто замышлял на князя “лихо”, а во время соборных служб велел ему первому “многая лета” петь, а потом иным».

Планомерно и скрупулезно работал он над объединением Русской православной церкви. По его благословию литовские князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи в 1379–1380 годах перешли на службу к Великому князю Московскому. Это сыграло важную роль, когда 8 сентября 1380 года произошла Куликовская битва, повернувшая весь ход европейской истории. Существует также предположение, что не случайно на эту битву опоздал литовский князь Ягайло Ольгердович, с которым Мамай должен был соединиться на Куликовом поле. Хорошо известно о личном контакте Ягайло и Киприана. После Куликовской битвы Сергей Радонежский ходатайствовал перед князем Дмитрием о приглашении в Москву Киприана. Отношение Великого князя к Киприану меняется, и он посылает Симоновского игумена Феодора в Киев с приглашением Киприана в Москву. Осенью 1381 года из Константинополя возвратился Пимен. В Коломне он был схвачен и отправлен в ссылку, а боярин Кочевин-Олешенский после княжеского суда казнен.

В праздник Вознесения Господня в 1381 году Киприан торжественно был встречен в Москве и признан митрополитом Киевским и всея Руси.

В первый год пребывания на московской митрополии Киприан усердно трудится по упорядочению церковной жизни. Он добивается строгого разграничения функций белого и черного духовенства, соблюдения церковной иерархии, укрепления монастырской дисциплины,

²² Нил Карамевс – патриарх Константинопольский в 1379–1388 гг.

регламентирует финансовую деятельность монастырей и приходов, пресекая воровство и злоупотребления. Ведет борьбу с мирскими грехами священнослужителей – пьянством, обжорством, стремлением к личному обогащению: *«пагуба чернецам селами владеть»*.

Он установил в Москве почитание Великого князя Александра Невского, что в условиях того времени имело особый смысл, т. к., с одной стороны, он был прямым предком Дмитрия Донского, с другой, – победителем крестоносцев-католиков. Киприан пишет *«Житие митрополита Петра»*, в которое включил пророчество святого о будущем величии Москвы при условии сохранения ею Православия и его защиты.

Летом 1382 года на Москву нападают полчища хана Тохтамыша. Великий князь в это время был в Костроме, где собирал войско, а Киприан, спасая семью Великого князя, отбыл в Новгород, а затем в Тверь. Его долгое пребывание в Твери вызвало подозрение Дмитрия Донского в том, что Киприан дожидался там князя Михаила Александровича, отправившегося в Золотую Орду, чтобы получить у хана Тохтамыша ярлык на великое княжество. Вместо благодарности за спасение жены и детей Дмитрий Донской вновь высылает Киприана в Киев. В марте 1390 года митрополит возвращается в Москву, где был торжественно встречен сыном Дмитрия Донского, Великим князем Василием I и его матерью – великой княгиней Евдокией Дмитриевной. Москва единодушно признала Киприана. За этим последовала активная, исключительно плодотворная семнадцатилетняя деятельность владыки по объединению русских земель вокруг Москвы.

В 1395 году к Москве, разорив южные Русские земли, приближается Тамерлан. Киприан направил делегацию духовенства во Владимир за иконой Богородицы, писаной по преданию, евангелистом Лукой. Митрополит помогал подготовить город к осаде, укрепляя дух москвичей. Во всех храмах совершались молитвы о Великом князе, выступившем с дружиной навстречу врагу. 26 августа митрополит вместе с москвичами вышел за ворота города для встречи – Сретения – чудотворной иконы. По преданию, накануне Тамерлану во сне было видение Богородицы. Он расценил это как грозное предостережение и покинул пределы Русских земель. Позже на месте встречи москвичами чудотворной иконы Киприан основал Сретенский монастырь, а Русская православная церковь 26 августа празднует с тех пор день Сретения иконы Владимирской Божьей матери.

По просьбе Великого князя Василия Дмитриевича митрополит встречался в Смоленске с Литовским великим князем Витовтом по урегулированию спорных вопросов о границе, содействовал заключению договора с Рязанским князем Федором Олеговичем о проведении совместной военной политики. В ходе этих переговоров вновь проявились блестящие дипломатические способности Киприана. Умело и тактично он действовал по примирению и сближению всех княжеств, находящихся на территории его епархии. По его благословению совершилось бракосочетание Великого князя Василия Дмитриевича и литовской княжны – дочери Витовта Софии. Киприан лично встречал Софию и ее свиту. Он последовательно отстаивал идеи и традиции патриарха Филофея об укреплении Вселенского Православия, способствовал росту авторитета Русской православной церкви. Ему удалось обратить в христианство трех ханских вельмож: Бахтыя, Хидыря и Мамата, которые прибыли из Орды. При нем активизировалось церковное строительство и монастырская колонизация на Русском Севере, способствовавшая приобщению к христианству новых этносов на новых землях.

Святитель активно поддерживал просвещение. Привезя в Россию множество переводов богослужебных книг, сделанных Тырновской книжной школой, он организовал их распространение. Являясь знатоком богослужения Константинополя, Болгарии и Афона, Киприан вел активную деятельность по исправлению и приведению к единству богослужебной практики в Русской Церкви.

Блестяще владея пером, митрополит передавал свой опыт молодым священникам, приобщая их к переводческой, писцовой и литературной деятельности, содействуя тем самым уве-

личению рукописного литературного богатства Древней Руси. Его первый биограф в «*Коротком сказании о премудром Киприане*» писал:

«Всякого же благаго любомудрия и божественного разума исполнен. Вельми книжен и духовен зело». Десятки списков и рукописей были созданы «его благословением и повелением». В пергаментном четвероевангелии от 1392 года отмечено: «его же благословением земля русская мир глубокий приемлет, церкви же Божия православия одежею свыше истканного одеаяся и прославлением книжньм и учением его светлеется паче солнечных зарей и напоятся яко от источника приснотекуща».

Благодаря своей церковной и литературной деятельности, Киприан принес на Русь традиции древнеболгарской литературы.

В Житии святителя Киприана сказано:

«и книги своею рукою писал, в наставление душевное, переписал Соборы, бывшие на Руси многие жития Святых русских и степени Великих Князей Русских; иное же в наставление, как-то правды и суды, и летопись Русскую, от начала земли Русския все по ряду, и многие книги к тому собрав, повелел Архимандриту Игнатию Спасскому докончить».

Киприан привез из Тырново и распространил для чтения толкование на Евангелие святителя Феофилакта Болгарского²³. Киприан написал несколько литургических поэтических произведений, способствовал реформированию церковного пения и музыкальной нотации. Им написаны такие богослужебные и вероучительные книги, как Псалтырь, служебник, требник, Лествица Иоанна Синайского, сочинения Диониса Ареопагита.

Согласно утверждению В. Н. Татищева (История России IV. СПб., 1784. С. 424), «*в наставление душевное (Киприан) преписа соборы бывшие на Руси, много жития святых русских, и степени великих князей русских, (иные) же в наставление плотское, яко правды и суды и летопись Русскую от начала земли Русския и, многи книги к тому собрав, повелел архимандриту Игнатию Спасскому докончати, яже и соблюдох*».

Однако в Православной энциклопедии мы находим следующие слова: «*всякие догадки о характере и содержании Киприановских “степенных книг” совершенно напрасны*». Говоря о трудах Киприана, Православная энциклопедия называет: «*Прежде всего, восемь грамот (Акты ист. I, № 7–11, 253, 255. Акты археогр. эксп. I, № 11) и четыре письма, из коих три адресованы преподобному Сергию Радонежскому с его племянником и учеником Феодором Симоновским и одно неизвестному по имени игумену (“Православный Собеседник”. 1860, № II. С. 84–106). Во всех их виден пастырь заботливый и образованный, но все же они не чисто литературные произведения, так как или имеют частный интерес и лишь биографически важное значение, или занимаются разрешением различных церковно-обрядовых вопросов, причем автор обнаруживает хорошее знание церковных законов и искусство в их толковании и применении*».

Согласно Православной энциклопедии, Киприан с большей охотой занимался разъяснением разных церковно-обрядовых постановлений и обычаев. Его толкования отличаются обстоятельностью и трезвостью воззрений. Как истинный исихаст он решительно запрещает совершение браков монашествующими.

Некоторые церковные историки утверждают, что прежде существовало немало поучений Киприана. Находясь в Новгороде, он «*нача учити (в Софийском соборе) люди новгородския велегласно во всю церковь*» (П. С. Р. Л. IV, 99). В Никоновском списке приводятся (IV, 200–201) две речи, сказанные митрополитом в Новгороде.

После 1381 года Киприаном было написано упоминавшееся нами «*Житие святого митрополита Петра*». В нем сообщается о встрече его на Москве Великим князем Дмитрием Иоанновичем. Довольно определенно Киприан свидетельствует о том, что бурный период исканий московской митрополии прошел, и он утвердился на ней прочно.

²³ Артемьев А. В. Указ. соч. С. 25.

Не меньшее, если не большее, значение в истории нашего просвещения, – по мнению авторов Православной энциклопедии, – имеют «*списания*» и переводы. Переписчик рукописи московского Успенского собора 1403 года восхваляет его за то, что при нем церковь Божия «*исправлением книжным... светлеется паче солнечных зарей*» (см.: профессор Соболевский А. И. *Переводная литература Моск. Руси XIV–XVII вв.* СПб., 1903. С. 13).

Киприан перевел с греческого на славянский некоторые молитвы и каноны патриарха Филофея. Он стремился предохранить церковные книги от ошибок и искажений. С этой целью, сличив с греческим подлинником славянский Служебник, переписал его и для будущих переписчиков оставил наставление: «*не изменять одного слова, ни одной даже черты*». Для придания единообразия в совершении священных действий богослужения он рассылал по всей митрополии книги и верные списки литургии, обрядов и таинств крещения, браковенчания, освящения воды в первый день августа, обряда, совершаемого в первую неделю Великого поста и другие. На основе новейших исследований, ученые делают вывод, что не без литературного влияния Киприана созданы известные произведения русской средневековой литературы: «*Задоница*», пространная редакция «*Повести о Куликовской битве*», «*Повесть о нашествии Тохтамыша*», «*Слово о жизни и смерти великого князя Дмитрия Ивановича, русского царя*» и «*Список русских городов, далеких и близких*». Предполагается его участие в создании и редактировании Московского Летописного свода 1408 года, известного как «*Троицкая летопись*».

Размышления святителя о человеческих слабостях, навеянные реальными событиями борьбы за византийский трон и патриарший престол, трагическими событиями на Балканах, которые погружались во тьму турецкого ига, а также междоусобными схватками русских князей, находят отражение в его поучительных произведениях: «*Особенно же плачу и скорблю, – пишет он, – о неправдах человеческих, как мы, не боясь Бога и не стыдясь людей, сплетаем лживые слова на ближнего, движимые завистью. Лютый недуг душевный – это зависть; много убийств в мире совершено ею, и многие страны запустели... Злая страсть – зависть, и кто одержим ею, тому нет спасения... Позаботимся же избегать этой страсти, а вместо ее приобретем братолюбие и сострадание, имея мир в сердце и душе своей...*»

В этих словах заключена мудрость человека, испытавшего на себе в течение продолжительной и трудной жизни воздействия этого древнего, как мир, каинова чувства зависти людей ко всему неординарному, выдающемуся, более преуспевающему и превосходящему других какими-то своими качествами. В них содержится призыв к неустанной работе над собой, к преодолению низменных чувств, разлагающих душу отдельного человека и вызывающих общественные беды.

Высокой по своим достоинствам считается *Прощальная грамота* Киприана, написанная им за четыре дня до его кончины. Летописцы называют грамоту творением «*чудным, незнанным и страннолепным*»; поэтому «*по отшествии сего митрополита и прочих митрополиты руси, и до ныне преписовающе сию грамоту, повелевают во преставлении своем, во гроб вкладающуюся, тако же прочитати во услышание всем*».

Прощальная грамота была прочитана при погребении Киприана. Указав на свое болезненное состояние, Киприан в начале повторяет содержание «*исповеданий*», дававшихся при посвящении в епископский сан, а в заключение «*всех православных прощает и благословляет*». По основным своим идеям, – говорится в Православной энциклопедии, – «*это завещание не вполне оригинально, но оно написано хорошо и задушевно и, действительно, является предсмертным наставлением пастыря отца своим духовным детям*».

Своей церковно-административной, политической, просветительской, культурной и литературной деятельностью митрополит Киприан содействовал консолидации русских княжеств, росту авторитета Москвы и общему духовному подъему жизни на Руси. Сюда начинают стекаться культурные силы из других русских земель и поверженных турками балканских стран. Именно при Киприане в Москву из Новгорода прибывает Феофан Грек, который

по заказу митрополита вместе со своими сподвижниками Даниилом Черным, Андреем Рублевым и Прохором с Городца расписывает кремлевские соборы. Дошедшие до нас их творения настенной и иконной живописи, а также миниатюрные произведения русского книгописания являются непревзойденными шедеврами в мировом изобразительном искусстве.

Этот период в российской исторической и филологической науке принято называть временем «второго южнославянского влияния». Учитывая ту колоссальную роль, которую сыграл во всей духовной жизни на Руси именно святитель Киприан, более точным, по нашему мнению, было бы определить эту эпоху как время «второго болгарского влияния».

Как гласит Православная энциклопедия: «...1 сентября 1406 года он слег в постель и в ночь на 16 число скончался. Ростовский архиепископ Григорий вместе с двумя помянутыми иерархами совершил его погребение, причем была прочитана и написанная за четыре дня до смерти прощальная грамота почившего. Тело его с честью было предано земле в Успенском соборе (Никоновская Летопись IV, 312–318; V, 3–7. Ст. кн. I, 557–562. П. С. Р. Л. III 130; V, 254–256; VI, 130–133; VIII, 70, 77–80), где поживает и поныне».

Историческая память благосклонно отнеслась к Киприану и высоко почтила его почти тридцатилетнее служение. Уже митрополит Фотий называл его «свято почившим», а в 1472 году при перестройке собора открыты мощи Киприана, который и был после «канонизован с установлением нарочитых празднований»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.